

УДК 94(571.1/.5)

ББК 63.3(253)-8 Потанин Г. Н.

**Г.Н. Потанин — великий путешественник, ученый,
демократ**

С.К. Игибаев

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова
(Усть-Каменогорск, Казахстан)

G.N. Potanin is a Great Traveler, Scientist and Democrat

S.K. Igibayev

S.Amanzholov East Kazakhstan State University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) — один из великих путешественников, внесших значительный вклад в исследования Центральной Азии и Казахстана. Во время поездок по Казахстану исследователь, не ограничиваясь физико-географическим описанием местностей, пройденных экспедицией, установил регионы Казахстана, пригодные для земледельческого хозяйства, и отметил, что в этих местах казахи с успехом выделяют земли «без внешних побуждений». Г.Н. Потанин с большим интересом изучал быт, обычаи, верования, культуру, сказания разных народов, населявших территорию Центральной Азии, и в том числе казахов, а также их родо-племенной состав. Заметное место в его исследованиях занимают предания и сказки казахского народа. Новым в истории Казахстана является исследование Г.Н. Потаниным положение казахских земледельцев-егинчей, представляющих сословие арендаторов-половников. Изучив условия труда рабочих на золотых приисках Сибири и Казахской степи, ученый установил, что рабочие, как в тайге, так и в степи, полностью зависят от золотопромышленников, и требовал от властей проведения радикальной реформы для улучшения жизни рабочих, независимо от их местонахождения. На примере иртышских казаков и казахов Г.Н. Потанин показал общность их взглядов на мир. Дружба Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина является ярчайшим примером для подражания молодому поколению.

В ходе экспедиций по Монголии и Китаю (1876–1877, 1879–1880, 1884–1886 и 1899 гг.) им исследованы тюркские и монгольские памятники древности и родоплеменной состав населения северо-западной Монголии. Ученый подробно описал группу утайских монастырей и святыню Ордоса-Ихи-Еджен-хоро, усыпальницу Чингиз-хана. Казахский народ высоко ценит Г.Н. Потанина за его демократический взгляд.

Ключевые слова: Центральная Азия, Г.Н. Потанин, Гоби, У-тай, «слезы отца», наездники, Ордос, кидани, Муз-тау, дархаты, растительность.

G.N. Potanin is one of the great travelers who made a significant contribution to the studies of Central Asia and Kazakhstan. During his trips to Kazakhstan, the researcher did not limit himself with physical and geographical description of the localities covered by the expedition, he established the regions of Kazakhstan suitable for farming and noted that in these places the Kazakhs successfully develop land without external motives. G.N. Potanin studied the life, customs, beliefs, culture, legends of various peoples inhabiting the territory of Central Asia including Kazakhs and their clan-tribal composition with great interest. A prominent place in his study is taken by legends and tales of the Kazakh people. New in the history of Kazakhstan is the investigated by G.N. Potanin position of Kazakh farmers-eginchas, representing the estate of leaser-peasants. After studying the working conditions of workers in the gold mines of Siberia and the Kazakh steppe, the scientist established that the workers both in the taiga and in the steppe are in the bondage position from the gold miners and demanded from the authorities a radical reform to improve the life of workers, regardless of their location. On the example of the Irtysh Cossacks and Kazakhs, G.N. Potanin showed the commonality of their views on the world. The friendship of Ch.Ch. Valikhanov and G.N. Potanin is the brightest example to follow for the younger generation.

During the expedition to Mongolia and China 1876–1877, 1879–1880, 1884–1886 and 1899 he explored the Turkic and Mongolian monuments of antiquity and the clan-tribal composition of the population of northwestern Mongolia. The scientist described in detail the group of Uтай monasteries and the shrine Ordos-Ihi-Ezhen-Khoro, the tomb of Genghis Khan. The Kazakh people highly appreciate G.N. Potanin for his democratic view.

Key words: Central Asia, G.N. Potanin, Gobi, U-tai, "father's tears", riders, Ordos, Khidani, Muz-tau, darhats, vegetation.

DOI 10.14258/izvasu(2017)5-07

Григорий Николаевич Потанин — великий путешественник, известный ученый, исследователь Центральной Азии, этнограф и фольклорист. Его общественная деятельность и научное наследие отражены в работах Н.Я. Ядринцева, В.А. Обручева, М.В. Шиловского, Н.Э. Масанова, С.В. Селиверстова, Ж.С. Кузембаевой и др.

Ученый Н.Э. Масанов использовал в своем труде генеалогические предания казахов, записанные выдающимся исследователем казахской этнографии Г.Н. Потаниным, в которых сказано, что «у прародителя казахов Старшего жуза Уйсуня было два сына — Абак и Тарак. У Абака по одним источникам было три сына — Дулат, Албан и Суан, по другим — четыре с добавлением Сары-Уйсуня. ... От Тарака происходят жалаиры» [1, с. 101]. Исследователь М.В. Шиловский показал совпадение интересов либералов и социал-демократов на определенном этапе общественного движения в России. Инициатором их взаимодействия был Г.Н. Потанин, назвавший местных социал-демократов «зародышем действительно сибирской социал-демократической партии» [2, с. 69]. С.В. Селиверстов, Ж.С. Кузгумбаева, исследовав банкетную кампанию в Томске, прошедшую 12 января 1905 г. под председательством Г.Н. Потанина, идеолога либерально-демократического движения, пришли к выводу, что имел место заранее составленный план, «в котором умеренно-либеральная форма сочеталась с радикально-революционным содержанием. ... политической несовместимости между либералами и радикалами в начале XX в. не существовало» [3, с. 32, 33].

Однако вклад Г.Н. Потанина в изучение социальной структуры народов Центральной Азии, и в том числе казахского общества второй половины XIX — начала XX в., не получил, к сожалению, достаточное освещение в историографии истории Казахстана. Автор данной статьи намерен использовать исследования Г.Н. Потанина в изучении общественного строя казахов до Октябрьской революции, руководствуясь цивилизационной методологией, применяя методы исторической науки, в том числе анализа и синтеза. Статья написана на основе изучения трудов Г.Н. Потанина и использования архивных данных Гуверского института (США), где автор проходил стажировку.

Г.Н. Потанин родился 21 сентября 1835 г. в поселке Ямышевском недалеко от Павлодара, на территории Казахстана. Умер в июне 1920 г. в Томске. В 1846 г. он поступил в Сибирский кадетский корпус в Омске. В 1852 г. семнадцатилетний Потанин оканчивает корпус в чине хорунжего и направляется для прохождения службы в 8-й казачий полк в Семипалатинск. В 1856 г. он был переведен в Войсковое правление Омска. Он подает в отставку и решает продолжить образование в университете. В 1858 г. Г.Н. Потанин, получив отставку, остался

без жалования, поэтому не было средств для поездки в Петербург. Григорий Николаевич едет к своему родственнику барону Гильзену, у которого был золотой прииск в Мариинской тайге, чтобы «попроситься к нему в приказчики». «Скопив на этой службе денег, я рассчитывал добраться до Петербурга. Весной 1858 г. я выехал из Омска и вполне благополучно доехал до прииска. Барон Гильзен жил на прииске со своей падчерицей, моей двоюродной сестрой. Жена его за месяц до моего приезда умерла», — вспоминал Г.Н. Потанин [4, с. 151]. Лето 1859 г. он провел на золотом прииске на речке Чалы, впадающей в Яю. Прииск оказался нерентабельным, его владелец — золотопромышленник Гюллесем фон Мершейд, т.е. барон Гильзен, обанкротился. Г.Н. Потанин на прииске денег не заработал и уехал в Томск, попросив у Гильзена письмо к М.А. Бакунину, который жил в Томске в ссылке. Бакунин придумал отправить Г.Н. Потанина с караваном золота в Петербург через Барнаул. Тогда золотоплавильная печь в Барнауле была одна на всю Сибирь. В Барнаул свозили золото со всех сибирских приисков, и в течение зимы отправляли в Петербург до семи караванов. М.А. Бакунин выпросил для Г.Н. Потанина 100 рублей у томского золотопромышленника Асташева. Потанин отправился из Томска в Петербург. Получив рекомендации от Бакунина, он поступает вольнослушателем на естественно-историческое отделение Санкт-Петербургского университета. В начале 60-х гг. XIX в. сторонники идеи за возрождение Сибири вступают в открытую борьбу за демократические реформы в России. В октябре 1861 г. Г.Н. Потанин за участие в студенческих волнениях был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, откуда чуть позже выслан в Сибирь под надзор полиции.

Во время своих путешествий Григорий Николаевич с большим интересом изучал быт, обычаи, верования, культуру, сказания разных народов, населявших территорию Центральной Азии. Крупнейший сибирский ученый Г.Н. Потанин внес значительный вклад в науку, исследовав историю, культуру казахов и их родоплеменной состав.

Дружба Ч.Ч. Валиханова и Г.Н. Потанина является ярчайшим примером для подражания молодому поколению. 23 мая 1895 г. по случаю приезда в Омск известного путешественника было созвано чрезвычайное торжественное общее собрание Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. По окончании приветственных речей Г.Н. Потанин, выразив благодарность за сердечный прием, сделанный ему обществом, сказал: «Омск — это моя духовная родина, здесь я когда-то с моим покойным другом Чоканом Валихановым впервые начал мечтать о тех трудах, выполнить которые пришлось мне одному, так как бедный друг мой скоро умер, но я уверен, что при исполнении тех задач, которые

мы себе наметили, он мог бы создать себе громадное имя. Что касается меня, я сделал все, что мог, не отступая от тех предначертаний, которые мы себе когда-то вместе составили» [5, с. 312–313].

Ч. Валиханов познакомил своего друга с известным ученым П.П. Семеновым-Тянь-Шанским и С.Ф. Дуровым. Эти знакомства оказали существенное влияние на личность Г.Н. Потанина и формирование его взглядов. Он описал свою встречу с Дуровым следующими словами: «Это было весной 1857 г. в Омске. Сергей Федорович Дуров, один из петрашевцев, содержащийся в Омском военном остроге, получив свободу, остался в Омске на зиму, чтобы дожидаться теплого времени, летом он хотел уехать в Россию, в остроге он нажил мучительный ревматизм и не решился даже с началом весны тронуться в путь; поджидал еще более теплых дней. В это-то время меня познакомил с ним мой товарищ по школьной жизни, киргизский султан Чокан Валиханов» [4, с. 144].

Чокан оставил своего друга у С.Ф. Дурова, а сам уехал. «Я тогда еще не понимал, — писал Г.Н. Потанин, — что дело в системе управления, а не в отдельных личностях, но теперь, в конце вечера, я легко перешел в другую веру, потому что между моей старой симпатией и ее отрицанием стоял апостол прогресса, к которому я теперь чувствовал сердечное влечение. Со мной совершился переворот. Я ушел от Дурова тем, до чего меня хотел довести мой друг Чокан» [4, с. 148–149]. «До свидания с Дуровым, — вспоминал Г.Н. Потанин, — я обожал императора Николая I, хотя страхи мои и прошли, Николай умер, а Россия не разрушилась и русская жизнь при Александре II пошла тем же порядком, каким шла при его отце, но все-таки моя вера в благодетельность Николаевских порядков не поколебалась. Чокан часто приезжал ко мне спорить, пытался приучить меня критически относиться к прошлому царствованию, но я упорствовал, пока не познакомился с Дуровым. Я увидел в нем человека всем своим существом протестовавшего против Николаевского режима. Дуров в один вечер совершил со мной метаморфозу. Мои взгляды совершенно превратились не только на Николая I, но и вообще на монархизм» [4, с. 158].

В 1895 г. Г.Н. Потанин совершил поездку в Кокчетавский уезд через Петропавловск и заехал в аул Валихановых, чтобы записать казахские сказки. Кокчетавский уезд, — писал ученый, — казахский Владикавказ. Это «край с высокими горами, горными речками и множеством больших пресных озер, покрытый сосновыми борами, березовыми лесами и луговыми степями, — словом, край, благодатный и очень богатый живописными уголками. ... У подошвы невысоких холмов, которые видны прямо в конце дороги, и расположен небольшой городок Кокчетав, киргизский Владикавказ» [5, с. 314–315]. Он был в гостях у отца Чокана на джайляу и кочевал вместе

с аулом султана Чингиса в течение 11 дней. В это время аул султана направлялся с летовки, с долины реки Аккан-Бурлука, на зимовку в урочище Сырымбет, где у Чингиса был большой деревянный дом. «Несмотря на свои 85 лет, — заметил друг Чокана, — султан Чингис был бодрым и все еще кочует верхом на лошади». Большинство казахских сказок записано во время этой перекочевки. В этой поездке ученого сопровождал студент Петроградского университета — молодой казахский султан Султангазин. Вспоминая приятные дни, проведенные в юрте последнего казахского царевича — Чингиса, Г.Н. Потанин отметил: «наступил день расставания. Для нас с султаном Султангазиным приготовили троичный тарангас, который должен был доставить нас в ближайшее русское селение, в Кривоозерный поселок. Когда все было готово к отъезду, я вошел в юрту султана Чингиса проститься с ним. Чингис Валиевич встал с своего места, взял меня за бороду, и мы поцеловались. Вероятно, по-казахски это был знак особого дружелюбия. В моем лице он хотел обласкать друга сына Чокана, с которым я находился в товарищеских отношениях. Одно из самых дорогих воспоминаний в семье Валихановых, конечно, воспоминание о Чокане, который не только был украшением этой семьи, но, несомненно, должен считаться самой лучшей личностью» [5, с. 335], вышедшей до сих пор из казахского народа.

По мнению Потанина, Чокан Валиханов принадлежал к числу тех исключительных натур, которые, как метеор, являются в наш мир только на короткий срок, чтобы своей оригинальностью скрасить жизнь более или менее тесного круга людей, приходивших с ним в общение. Он имел нежное сердце и острый ум. Г.Н. Потанин, хорошо знавший Чокана, писал, что он смотрел на себя как на слугу казахского народа. Он говорил про себя, что «он любит свой народ и чувствует, что он любит также и Россию» [5, с. 94]. Задачей своей жизни, — заметил Г.Н. Потанин, — Валиханов считал служение казахскому народу, защиту его интересов перед русской властью и содействие его умственному возрождению. В своих воспоминаниях Г.Н. Потанин пишет: «Чокан познакомил меня с поэзией Гейне, с барабанным боем революции» [4, с. 156]. Г.Н. Потанин верил в будущее казахского народа и хотел, чтобы казахи знали свою историю, язык и сохранили свои традиции. Чтобы у казахов появилось свое казахское светское направление, — отмечал Г.Н. Потанин, — нужно возбудить в верхних слоях казахского народа «интерес к своей народности, интерес к изучению своего родного, своей истории, своих обычаев, своих устных памятников старины» [5, с. 330].

«Казахи, народ живой, здоровый, жаждущий жизни; они любят веселье, в costume любят яркие цвета, в жизни — праздники. Поминки по умершим у этого народа превращаются в продолжительные

и грандиозные торжества с играми, скачками, песнями, состязаниями, исполнением песен и лирическим творчеством. Состязания в артистическом искусстве и нарядах воспитывают, может быть, в казахах некоторую долю тщеславия, что делает их похожими на французов. Подобно афинянам, казахи необычайно любят новости (хабары); эта страсть, которая в молодом поколении заменяется любознательностью.

Казахская жизнь слагается из пасторалей, любимая повесть, которую знает вся степь от Оренбурга до Зайсана, верх казахской эпики, это история красавицы Баян-Сулу, которая влюбилась в бедного пастуха Козы-Корпеша, не могла перенести гибели любимого человека и покончила с собой на его могиле; на этой могиле выросли два дерева, которые протягивают друг другу свои ветви; это погибшие любовники, которые и после смерти продолжают любить друг друга; между любовниками колючий куст — это разлучник, который при жизни помешал счастью любовников и теперь продолжает мешать их замогильному соединению. Сюжет международный, но ни одна народность не сделала его таким выдающимся пунктом в своей эпике, как казахи. Не менее трогательны и человечны другие казахские легенды, например, легенда, которая объясняет, почему одна из казахских рек называется Атасу (слезы отца). Девушка полюбила пастуха, но богатый отец не захотел отдать дочь за своего бедного работника; молодые бежали, отец пустился догонять их и, когда приблизился к ним на выстрел, вынул лук, наложил на него стрелу. Женщина, заметив, что любимому ею человеку угрожает опасность, заслонила его своим телом; стрела поразила ее. «Отец нашел на земле только бездыханное тело и оплакал свое горе; его обильные слезы образовали целую реку, которая и теперь называется «Слезы отца». Подобные примеры самоотверженной женской любви, хотя и не такие, быть может, героические, и теперь бывают в степи» [5, с. 332].

Народ, который в песне видит откровение божие, имеет право жить и творить. Для казахской «жизни есть обильный источник сил и средств в духовном организме народа» [5, с. 334], если только сами казахи от него не отвернутся.

Г.Н. Потанин отмечает, что казаки, живущие в станицах по Иртышу, в наездничестве не уступают казахам. Казахский язык считается разговорным; многие казахские обычаи усвоены казаками: так, например, они охотно пьют кумыс и едят конину. Вообще, утверждает Г.Н. Потанин, иртышские казаки во взгляде на мир усвоили много из кочевого быта. Около Коряковской станицы происходит самое сильное взаимодействие русского и казахского народного духа. Все окрестные казахи много позаимствовали из казачьей жизни, многие даже живут в землянках, по крайней мере в зимнее время, а казаки здешние, в свою очередь, подчиняются сильному влиянию казахов, следу-

ют в одежде их моде и в домашней жизни предпочитают казахский язык своему. Это влияние видно также и на женщинах. «Впрочем, влияние Востока отразилось и в остальной Сибири» [6, с. 307].

Г.Н. Потанин подчеркнул знание сибирскими казаками казахского языка как их преимущество: казаки заключают в себе еще то достоинство, по сравнению с регулярным войском, что умеют говорить по-казахски, кроме одного полка, живущего в Алтайских горах. От беспрестанного пребывания в степи они хорошо ее знают, привыкли к ее однообразным возвышениям и владеют такою же способностью не заблудиться в ней, как и сам казах, тогда как солдат в состоянии заблудиться, отойдя на полверсты от большой дороги. Наконец, они такие же наездники, как кочевые казахи, и живя в постоянных сношениях с ними, хорошо знакомы с их обычаями и всеми военными хитростями. Казаки во время похода используют курджуну, заимствованную у казахов. Коржун так устроен, что он удобно перекидывается через спину лошади (переметные сумы).

Г.Н. Потанин, удачно применив сравнительный метод, исследовал положение, условия труда рабочих золотых приисков в сибирской тайге, расположенных к востоку от реки Томи, и рабочих золотых промыслов в Кокбектинском округе, расположенных в казахской степи. Рабочие находились в кабальном положении у золотопромышленника. Многие рабочие к концу срока не только не получают остатков из заслуженного жалованья, но еще остаются сами должны хозяину. В тайге рудокоп работает четыре месяца почти без отдыха, за двадцать рублей задатка да несколько кварт вина; а остальное количество платы так и остается в руках хозяина. В настоящее время рабочие не только не имеют возможности противодействовать угнетающей их монополии, и «находятся еще в полицейской зависимости от золотопромышленника, последний имеет право наказывать рабочего телесно» [4, с. 127].

Золотые прииски в Кокбектинском округе, отметил исследователь, находятся на открытой степной местности, среди кочевьев казахов. Оплата труда определяется не по роду работ, не по урокам, а помесечно: от 2 до 5 рублей. Здесь так же, как в тайге, золотопромышленники имеют свои лавки для снабжения рабочих товарами. Так же, как и там, задолженность служит правом оставить рабочего трудиться другой год. Если задолжавший рабочий сам не наймется на будущий год, тогда все равно его доставит родовой начальник, который постоянно получает пособие от золотопромышленника. Рабочие так же, как и в тайге, входят в большие долги, из которых уже не могут выпутаться. При найме рабочих вместо контрактов здесь служит порука; поручитель обязывается, если рабочий не явится на прииск к сроку, уплатить золотопромышленнику данный рабочему задаток. Если

и поручитель, и рабочий оба остаются должниками золотопромышленника, то последний обращается к волостному начальнику, чтоб тот или доставил их на будущее лето на прииск, или взыскал с них скотом, причем золотопромышленник принимает скот не иначе как за половинную цену. И в тайге, и в степи «беззаконная эксплуатация человеческих сил давно требует радикальной реформы» [4, с. 143].

Во время своих поездок и путешествий Г.Н. Потанин исследовал места, пригодные для земледелия, и в том числе и на территории Казахстана. В статье «Заметка о хлебопашестве в Киргизской степи» он писал, что до настоящего времени господствовало убеждение, что казахская степь совершенно не способна для развития земледелия, что на ней может с успехом развиваться исключительно одно скотоводство. Казахское «земледелие считалось опасным соперником для земледелия наших пограничных крестьян» [6, с. 331], и потому придумывались меры ослабить стремление казахов к земледелию. Теперь, — отмечал автор, — очень мало остается поборников этой политики. Конечно, большая часть территории бесплодна, но нет почти местности, где бы ни нашлось оазиса для пашен. Казахский народ «не предназначен исключительно к пастушеской культуре, это видно уже из того, что он сам, без внешних побуждений взялся за силу и с успехом упражняется в возделывании земли во многих отдельных местностях» [6, с. 331]. По данным исследователя, обширные пашни существуют в речном бассейне Тургая, возле озера Кургальджина лежит другой значительный оазис казахских пашен; по левому берегу Иртыша, от станции Лебяжьей начинаются пашни и продолжают до Калбинских гор. От Калбинских гор на юг, при подошве Тарбагатай и Алатау идет ряд почти непрерывных пашен. В Семиреченском крае «я сам был на пяти оазисах: на реке Каратале, на реке Биджи, подле горы Карачеку, в урочище Конурлень и при подошве Кунгыалатау» [6, с. 332].

Г.Н. Потанин записывал и опубликовал предания казахов: «Алаша-хан», «Джиды-бай», «Сабалак», «Джиренше-шешен», а также их сказки: «Сурок», «Бык», «Ир-Гокше и его сын Ир-Госай», «Таласпай-мерген», «Алдар-Косе», «Ер-Тюстюк» и др. Ученый старался рассматривать казахские сказки не только во взаимосвязи с историей казахов, но и во взаимодействии со сказками других народов мира.

Г.Н. Потанин придавал огромное значение монументу Козы-Корпеш и Баян-Сулу, считая его одним из редких архитектурных памятников, созданных древнеказахскими племенами. По поручению Г.Н. Потанина памятник последний раз был обследован А.Н. Белослюдовым во время его экспедиции в районе озера Балхаш в 1917 г. А.Н. Белослюдов пишет: «У памятника Козу-Корпеш был два раза. Каменных баб уже нет... две бабы от памятника уве-

зены в Германию» (письмо 36 А.Н. Белослюдова к Г.Н. Потанину, 9 января 1918 г.) [7, с. 405].

Свое путешествие в восточную часть Казахстана Г.Н. Потанин совершил летом 1863 г. Он был в качестве переводчика и натуралиста экспедиции астронома К.В. Струве. Исходной точкой их путешествия стало селение Кокбекты, лежащее в западном конце Зайсанской равнины. Казахам «Зайсанской равнины, — отметил путешественник, — следует считать полукочевым народом, потому что все они, безусловно, ведут кочевую жизнь только летом; зиму же проводят оседло в неподвижных, более или менее прочно устроенных жилищах» [6, с. 28].

6 мая путешественники переправились на правый берег Иртыша и продолжили путь по северному берегу оз. Зайсан. Г.Н. Потанин сообщает, что все рыболовные места по Зайсану и по нижнему Иртышу вниз до устья Нарыма и по Черному Иртышу составляли оброчную статью Сибирского казачьего войска. Прежде (1836–1860 гг.) рыболовство производилось посредством наряда войсковых людей в виде внутренней войсковой службы. В 1860 г. войсковая рыбалка была сдана в аренду трем торговым казакам — Загвоздину, Мальцеву и Посникову. В 1864 г. кокбектинские казаки с радостью сообщили Г.Н. Потанину о том, что монополия торговли зайсанской рыбой осенью снята, и начальством Западной Сибири был разрешен свободный вывоз рыбы с озера Зайсан на линию.

13–14 мая караван оставался на Чингильдах. Урочище это, вероятно, получило свое название от растения чингэль. Оставив Черный Иртыш, путешественники направились к Сартау. Долина Такыра упирается в хребет Джильтау. Путешественники перешли из долины Такыра в долину Кальджира, пересекли на пути р. Балакальджир. Караван спустился к озеру Марка более удобной дорогой. Как только путешественники добрались до снежных пятен, перед ними открылся вид на обширное понижение гор, на дне которого лежали приятные голубые воды озера Маркаколь. Озеро лежит в продольной долине, образуемой хребтом Курчумским и грядой гор, которые тянутся с юго-восточной стороны озера; в первом находилась вершина Сартау, во второй — Бисбун. Берег озера Марка, при истоке р. Кальджира, плоский.

К западу от истока Кальджира, у подошвы гор, было множество аулов рода Кожамбет; это горцы Южного Алтая. Они в своих передвижениях если и выходят на равнину Зайсана на свои пашни, то ненадолго, и, снявши хлеба, возвращаются в горы, так как их зимовки находятся высоко в горах; летом же они занимают самые верхние площади. В течение летних месяцев надолго останавливаются на берегу озера Марка и занимаются рыболовством в истоке.

На вершине Сартау часто несколько суток кряду свирепствуют бураны и в июне. Несмотря на суро-

вый климат, казахи все свое лето проводят в Сартау. Конные табуны в середине лета пасутся на самой верхушке Сартау, на высоте около 9000 футов (фут — 30,48 см). 6 июня путешественники оставили Сартау и спустились до реки Балакальджир, затем достигли берегов Калгутты. Они миновали гипсовые холмы, по-казахски — Барлытубе. Один казах доставил им кристалл гипса. Члены экспедиции увидели на одном из гранитных утесов красные горные утки, называемые казахами атау.

Зимой 1863 г. Г.Н. Потанин совершил поездку на озеро Зайсан, через Кокбекты. Он разговаривал с рыбаками, интересовался казахским рыболовством. Он заметил, что казахи, выдолбив проруби, спускали свои крючки на отдельных подводках, сетей у них мало, а кокбектинские казахи ловили рыбу не крючками, а сетью.

По сведениям исследователя, хлебопахотные оазисы находятся у выхода из гор следующих рек: Кальджира, Курчума, Каинды, Букони, Кокбекты, Базара, Карабуги, Дэбискэ, Ласты и Чорги. Незначительные отрывки разбросаны по всем остальным речкам, вытекающим на равнину Зайсана из Алтая, Калбы и Тарбагатая. Саржомарты, живущие в окрестностях Сибирских озер, сеют пшеницу, ячмень, просо и овес. На Курчуме было 9 тогамов (ирригационных каналов). Каждый тогам питает водой от 10 до 15 арыков, второстепенных каналов; у каждого арыка есть свой хозяин. На Чорге 27 тогамов, на Ласте — 15. Хлебопашество существовало также по системе р. Базар, на землях, принадлежащих мурунам. По реке Кокбекты и ее притоку Чигилеку были пашни Кокбектинской станицы.

Г.Н. Потанин исследовал земледельцев-егинчи, установил их место в хозяйстве и казахском обществе. Земледелием занимаются самые бедные казахи, отметил исследователь, не на правах собственников, а кортомчиков, егинчей. Землевладельцем считается поколение, т.е. род. Поколение общими силами проводит тогамы и корчует поля. Если егинчи принадлежат к чужому поколению, то снимают участки за арендную плату, если к своему, то вступают с богатым скотоводом в союз из-полу; в том и другом случае они являются только работниками богатых скотоводов. Общий доход от аренды не распределяется среди членов поколения поровну, как бы следовало, и остается в руках его влиятельных лиц. «Егинши-половники таскаются вместе с теми скотоводами, с которыми стоят в половине, потому что летние труды их не покрывают зимних расходов, а уступив скотоводу половину хлеба, чтобы не остаться самим голодным, они должны у того же скотовода наняться на зиму в пастухи или работники» [6, с. 85].

Летом 1864 г. Карл Струве и Григорий Потанин совершили поездку по Восточному Тарбагатаю.

На Ойчиликке они увидели пашни казахского рода тогас. В горах Коджур (Кожыр) располагается множество аулов. Коджур (Кожыр) по-казахски значит шероховатый [3, с. 120].

В 1876–1877 и 1879–1880 гг. Г.Н. Потанин совершал путешествия по северо-западной Монголии по поручению Императорского Русского географического общества, членом-сотрудником которого он был.

Экспедиция в Северо-Западную Монголию имела целью собрать географические сведения о стране, лежащей между озерами Улюнгуром и Косооголом, с одной стороны, и между хребтами Тану-Ола и Тянь-Шанем — с другой.

Летом 1876 г. экспедиция под руководством Г.Н. Потанина выступила из Зайсана и направилась на восток, обогнула оз. Улюнгур, пересекла Монгольский Алтай в верховьях реки Кобдо и осенью спустилась в город Кобдо, торговый центр Северо-Западной Монголии.

Путь экспедиции от Зайсана до Кобдо лежал через верхние районы Восточно-Казахстанской области и смежные с Китаем территории.

Экспедиция исследовала верхние истоки Черного Иртыша и его водоразделы. В середине сентября экспедиция исследовала побережье озера Даин-кола (Даин-гуля). Недалеко от озера члены экспедиции увидели четвероугольный сруб с двускатной крышей, внутри которого находился изваянный из гранита бюст. Казахи называют его урянхайским батыром Даином; по имени этого батыра они «прозвали и озеро» [8, с. 49].

При выезде из Сары-бюйра исследователи увидели большую часть Даин-гуля; над западным берегом озера возвышается остроконечный пик Мус-тау, покрытый вечным снегом; ровная покатость между подошвой Муз-тау (ледяная гора) и озером называется Кара-бюйра.

На смежной с Китаем территории жили казахи из рода байжигитов.

В долине Саксая члены экспедиции увидели казахские аулы. На своем пути от Зайсана до Кобдо экспедиция исследовала рельеф местности, почву, климат, фауну, растительный и животный мир.

Экспедиция достигла Кобдо 5 октября 1876 г. В Кобдо путешественники прожили до 20 марта 1877 г. Этот небольшой город-крепость, лежащий на правом берегу реки Буянту, был в то время важным торговым пунктом. Часть хлеба ввозили в край казахи из долины Бухтармы, а также барлыки из долины Крана. Русские купцы привозили в Кобдо крупчатку. Весной 1877 г. путешественники, по оценке академика В.А. Обручева, вышли из Кобдо, вторично пересекли Монгольский Алтай, затем дважды Джунгарскую Гоби на пути в города Баркуль и Хами у конца Восточного Тянь-Шаня и обратно, далее еще раз перешли Монгольский Алтай и прибыли в Улясутай.

Вторая половина лета была посвящена изучению горной страны Хангай до озер Косогола и Убса; уже поздней осенью экспедиция из Уланкома вернулась в Кобдо и направилась в Кош-Агач на Чуе, в русских пределах, где 17 декабря путешествие закончилось.

В пути от Кобдо до Хами путешественники нашли надписи на скалах гор Шарь-нуру в урочище Сухайты. Г.Н. Потанин предполагал, что «надпись, состоящая, по-видимому, из изображений родовых клейм или там-мог» [8, с. 89].

Весной 1879 г. началось второе путешествие по Монголии, которое было продолжением работ 1876–1877 гг.

Выехав 28 мая из Кош-Агача, через день экспедиция прибыла в местность Курдэй в Чуйской степи, где находился аул теленгитов. Теленгиты — часть алтайской народности, принадлежавшая к северо-западной ветви тюркских народов, живущей в Чуйской долине. Теленгиты — самое древнее население этого района. В июне путешественники достигли Улангом, представляющий собой одно из самых богатых урочищ северо-западной Монголии. В Улангоме находилась ставка дюрбэтского князя (вана). Князь со своим семейством жил в высоком доме, построенном по китайской архитектуре, к западу от монастыря. Урочище Улангом лежит на том месте, где Харкиринская степь соединяется с равниной озера Уба. В начале июля путешественники поднялись на Харкирский ледник. Г.Н. Потанин составил план этого ледника и описал кочевья дюрбэтов.

8 августа 1879 г. караван прибыл в город Кобдо и там находился до 10 августа. В начале сентября путешественники перешли реку Кунделен, а затем пересекли хребет Танну-ола (Саян), проехали по верхнему течению Енисея (Улу-хему, Ха-кему и Би-кему) в Урунхайский край. Ученый заметил, что «на Систикеме урянхайцы Точжу держат оленей; зимой к ним нет и проезда иначе, как на оленях; их доят, ездят на них и выючат» [8, с. 268]. В конце октября путешественники переходили реку Хаптагай, покрытую льдом, затем шли вверх по правому берегу Тарбагатай. Поздней осенью, посетив часть бассейна р. Селенги, экспедиция вышла в Дархатский курень близ западного берега оз. Косогола. Именем дархатов называлась ветвь урянхайского (тувинского) народа, но говорящая на монгольском языке. Оставив здесь экспедиционных животных на зиму у монголов, путешественники выехали через Саяны в Иркутск на зимовку.

Весной 1880 г. путешественники собирались организовать новую экспедицию в Монголию с целью исследовать Восточный Хангай и центральную часть Монголии. Намеченный план не был осуществлен. Об этом писал исследователь Центральной Азии: «Зиму 1879–1880 гг. я провел в Иркутске. Весной мы собирались выступить в новую экспедицию в Монголию, но как раз перед сроком выхода экспе-

диции из России отношения наши с Китайской империей сделались натянутыми» [8, с. 288]. Перед поездкой в Петербург Г.Н. Потанин решил продать скот экспедиции и ближе познакомиться с дархатской землей, с окрестностями Дод-нора. Г.Н. Потанин исследовал торговлю русских купцов с дархатами и другими кочевыми народами. Русские купцы обменивали свои товары на продукты дархатского скотоводства. Дархаты продают рогатый скот, масло и рыбу, которую ловят у нижнего конца озера Дод-нора. Соболей вывозится до 300 штук. Тункинские купцы углубляются в Монголию, не ограничиваясь в торговле лишь дархатской землей. Из минеральных богатств дархатской земли, пока не используемых, Г.Н. Потанин указывал на графит, который залегают на Олен-дабане, каменный уголь и свинцовую руду. Он обратил свое внимание и на то, что «в дархатской земле, а также по прилегающей к ней караульной линии, в хошуне Вар-гуна, и вообще по дороге в Ургу везде русский рубль принимается без затруднения» [8, с. 296], можно купить любую вещь и нанять рабочего.

Г.Н. Потанин описал флору пройденной ими местности, исследовал долину Хука. В этой долине кочевали урянхайцы, которые называли себя ухртэн-урянхайцами.

В течение 1884–1886 гг. Г.Н. Потанин путешествовал по Китаю, восточной окраине Тибета и Центральной Монголии. Двухтомный труд «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия», изданный в 1893 г. Русским географическим обществом, переизданный в 1950 г., отражает результаты научной экспедиции. В северном Китае 8 июня Г.Н. Потанин посетил группу утайских монастырей, расположенную в долине Цинншуй, где сливаются с разных сторон четыре потока реки Ху-То-Хэ, и описал кумирни. Под именем У-тай, — отметил путешественник, — разумеют пять вершин, окружающих вершину притока реки Ху-То-Хэ. У — по-китайски «пять», тай — «жертвенная» или «поклонная» гора. Они различаются эпитетами по странам света: Пэй-тай — «северная», Нань-тай — «южная», Си-тай — «западная», Дун-тай — «восточная» и Цзун-тай — «средняя». Расстояние между Пэй-таем и Нань-таем составляет 10–15 верст. «У-тай — самое священное место для буддистов северного Китая» [9, с. 35].

Путешественник заметил окитаизацию монгольского племени тумутов. Они не забыли еще свой родной язык, но все говорят по-китайски, живут в таких же фанзах, как китайцы. Отличать их жилища от китайских можно по флагом, исписанным буддийскими молитвами и выставленным на крышах. «Из сохранившихся черт монгольского быта можно еще указать на то, что тумытские женщины все еще удерживают монгольский головной убор и носят монгольские, а не китайские, серьги» [9, с. 71].

4 августа 1884 г. члены экспедиции были на южном берегу Хуан-Хэ и вступили в пределы Ордоса. Ордос разделялся на семь хошунов (княжеств): Джунгор или Джунгар, Далаг или Талаг, Хангин, Ушин, Отток, Ван, Чжасык.

Большое впечатление на путешественников произвел монгольский монастырь Джунгор-Чжао, который был самым большим в Хошуне Джунгор. В нем насчитывалось до 700 лам.

«Другое интересное место, — отметил Г.Н. Потанин, — пройденное нами, называется Бага еджен-хоро; это войлочные юрты, в которых, по преданию, хранятся останки жены Чингис-хана» [9, с. 86].

Во время экспедиции ордосские монгольские князья для сопровождения каравана от одного княжества до другого направляли своих сопровождающих.

Верстах в десяти к югу от озера Чаган-нор находилась святыня Ордоса, так называемый Ихи-Еджен-хоро, т.е. юрта с останками Чингиз-хана. Слово «хоро» переводится «ставка», резиденция; Еджен — титул, который придается Чингиз-хану (Едженбогдо); ихи — «большой». Поездка к святыне Чингиз-хана не встретила никаких препятствий со стороны властей. Г.Н. Потанин подробно описал Ихи-Еджен-хоро.

Он исследовал монголо-тюркское племя ёгуров и места их проживания. Вдоль берегов нижнего Ездина и по его рукавам жили торгоуты.

Г.Н. Потанин описал свой переход через Гобийскую пустыню в августе 1886 г. следующим образом: «Совершенный переход через Гоби был третий в моей жизни; первым я считаю переход 1876 г. между Кобдо и Баркулем, вторым переход в том же году на пути из Хами в Улясутай. Особенно тяжел был первый переход; мы тогда с Рафаиловым потеряли несколько лошадей. На этот раз переход через пустыню мы сделали благополучно, почти без потери» [9, с. 513].

В 1892 г. Г.Н. Потанин предпринял экспедицию на восточную окраину Тибета, во время которой скончалась его жена. Он не был в состоянии продолжать научную работу в Тибете и вернулся в Петербург. Затем Потанина опять потянуло в глубь Азии, так как в Монголии еще оставалась неизвестная ему восточная окраина на склоне хр. Хингана. Туда и отправился ученый весной 1899 г. на средства Русского географического общества и ботанического сада. Это было последнее путешествие Потанина вглубь Азии. Дальнейшие 20 лет он прожил в Иркутске, Красноярске и Томске. Летом совершал еще поездки, но сравнительно недалекие, в Забайкалье, на Алтай, в казахскую степь.

Свою поездку в среднюю часть Большого Хингана 1899 г. Г.Н. Потанин обосновал так: «...западный Хинган, особенно средняя его часть, представляет в науке до сей поры полнейший пробел.

Список европейских путешественников, пересекавших Хинган ранее нашей поездки невелик: насчитывается всего 4 путешественника.

...На пути к среднему Хингану экспедиция должна была коснуться берегов или озера Буир, самых больших озер восточной Монголии, рыбы которых еще ни разу не были доставлены в европейские музеи. Наконец, окружающее эти озера пространство, которое экспедиция должна была пересечь, составляют кочевья племени баргут; об этом племени до последнего времени ничего не было известно, кроме его имени; даже о местонахождении площади кочевания племени не было точных указаний. Отвечая высказанным соображениям, летом 1899 г. я и мои спутники, студенты В.К. Солдатов и А.М. Звягин, совершили поездку в среднюю часть западного Хингана, который известен также под именем Большого Хингана» [8, с. 307–308].

Он описал горы Абрантай (абыр «ящик») и Алтын-эмель («золотое седло»), не отмеченных на географических картах того времени. Ученым определено количество хошунов у баргутов: 8 хошунов «старых баргутов» — кокшин-барга, 8 «новых баргутов» — шине-барга, установлена территория проживания баргутов, описана система их управления, а также исследовано генеалогическое древо этого племенного объединения.

Казахский народ высоко ценит Г.Н. Потанина за его человечность и демократический взгляд. Первый всеказахстанский съезд, в котором участвовали представители почти из всех областей Казахстана, состоялся в Оренбурге 21–26 июля 1917 г. В повестке дня было 14 вопросов. Съезд обсудил вопрос о подготовке к Учредительному собранию, в список кандидатов в депутаты был внесен 81 человек — представители всех регионов Казахстана. Среди кандидатов были С. Сейфуллин, М. Жумабаев, а также двое русских — ученый Г. Потанин и политический деятель В. Чайкин [10, с. 104].

Г.Н. Потанин был одним из инициаторов проведения общесибирского съезда народов, состоявшегося 8 октября 1918 г. в Томске, во время Гражданской войны. Съезд проходил в большом зале библиотеки Томского университета. Заседание первого Сибирского областного съезда открыл В.М. Крутовский по поручению известного сибириеведа Г. Н. Потанина, которому было тогда 82 года. Он, присутствовавший на съезде, был избран его почетным председателем. Представитель семипалатинских казахов Г. Ермеков, выступая на съезде, приветствовал Григория Николаевича Потанина и сказал, что «именно ему кланяемся» [11, с. 12].

Таким образом, Г.Н. Потанин — великий путешественник, ученый, демократ. Его научное наследие способствует достоверному изучению истории народов Центральной Азии и в том числе Казахстана, Сибири, Монголии и Китая.

Библиографический список

1. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. — Алматы, 2011.
2. Шиловский М.В. Общественно-политическое движение в Сибири второй половины XIX — начала XX века. Вып. 4. Социал-демократы : учебное пособие. — Новосибирск, 1997.
3. Селиверстов С.В., Кузгумбаева Ж.С. Г.Н. Потанин в 1905 г. (Некоторые особенности политического менталитета российских либералов и радикалов в начале XX в.). №2/3. — Хабарлар, 2003.
4. Потанин Г.Н. Тайжане: историко-литературные материалы. — Томск, 1997.
5. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. — Алма-Ата, 1985. — Т. 5.
6. История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. — Т. VII : Потанин Г.Н. Исследования и материалы. — Алматы, 2006.
7. Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: в 5 т. — Алма-Ата, 1984. — Т. 1.
8. Потанин Г.Н. Путешествия по Монголии. — М., 1948.
9. Потанин Г.Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. — М., 1950.
10. История Казахстана с древнейших времен до наших дней: в 5 т. — Т. 4: Казахстан в советский период. — Алматы, 2010.
11. Архив Гуверского института США. Russia. 556v 929 box. №1, XX 556 – 8 т. 40 PetrVologodskii. Papers, 1918–1928.